

ПЕЧАТЪТ НА КРОВИ

Владислава Рэйн

Печать на крови

«Автор»

2026

Рэйн В.

Печать на крови / В. Рэйн — «Автор», 2026

В мире, где древняя Печать сдерживает силы Хаоса, молодая Анна оказывается втянута в борьбу за спасение реальности. Когда её дом начинает жить собственной жизнью, а семья постепенно теряет человеческий облик, героиня узнаёт страшную правду: она — последняя надежда на сохранение баланса между мирами. Чтобы предотвратить катастрофу, Анне предстоит собрать три древних артефакта: слезу Дракона, сердце Ветров и кость Первого. На этом пути она сталкивается с последними представителями древних рас, каждый из которых платит свою цену за существование Печати. Гномы замуровали себя в шахтах, эльфы теряют бессмертие, а последний потомок Драконов доживает свои дни в одиночестве. Но самое тяжёлое испытание ждёт героиню дома: по пророчеству тётки, чтобы ритуал сработал, Анна должна предать собственного брата. Теперь ей предстоит сделать выбор между спасением мира и сохранением семьи, между долгом и любовью, между жизнью и смертью.

© Рэйн В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Цена пророчества	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Владислава Рэйн

Печать на крови

Глава 1. Цена пророчества

Анна сидела в старом кабинете, перебирая пожелтевшие письма и фотографии. Её руки дрожали, а в голове крутились обрывки фраз, услышанных в детстве: «Не буди прошлое, оно само тебя найдёт». Она не верила в пророчества, но верила в то, что видела: трещины на потолке, которые каждое утро становились длиннее, будто кто-то чертил карту её страха; шёпот за стенами — неразборчивый, но настойчивый, как радиопомехи; странные взгляды родных, в которых больше не было узнавания, только глухая настороженность. В последние недели дом будто дышал отдельно от неё — тяжёлым, густым дыханием, в котором чувствовалось что-то древнее и злое, что-то, что ждало своего часа задолго до её рождения.

«Что-то не так», — повторяла она про себя, водя пальцем по краю потёртой фотографии, где улыбалась ещё молодая прабабушка, а позади неё темнел тот самый угол коридора, где теперь каждую ночь собиралась тень — не просто отсутствие света, а нечто плотное, почти осязаемое, как сгусток старой боли. Анна чувствовала, как стены сжимаются, как воздух становится гуще, будто сам дом втягивает её в свои лёгкие.

Дом был её «замком» — и одновременно тюрьмой. Скрипучие полы, тяжёлые бархатные шторы, запах пыли и старых книг, тишина, которая давила сильнее любого крика. Раньше эта тишина казалась уютной, почти священной — она позволяла спрятаться от внешнего мира, от его шума и суеты. Теперь она звучала как предупреждение: каждый скрип половицы отдавался в позвоночнике, каждый порыв ветра в печной трубе напоминал чей-то сдавленный стон. Дом перестал быть убежищем. Он стал свидетелем, который ждал, когда она признает то, что давно знала: здесь что-то сгнило настолько глубоко, что гниль проступила сквозь штукатурку.

Анна не считала себя избранной. Ей не хотелось быть той, кто всё исправит — героиней древнего проклятия, которая сражается с тьмой. Ей хотелось просто вернуть ощущение безопасности, когда можно было спокойно выпить чашку чая на кухне и не прислушиваться к каждому шороху, не ждать, что из тени выползет чей-то взгляд. Но выбора не оставалось: брат уже начал говорить странные вещи о том, что «в доме живёт не только наша семья» — его голос при этом становился чужим, металлическим; мать всё чаще запиралась в своей комнате, шепча что-то на языке, который Анна не могла распознать, а отец смотрел сквозь неё, будто она была не дочерью, а случайной гостьей, призраком, который мешает ему видеть то, что происходит на самом деле. Напряжение висело в воздухе, плотное, как грозовая туча, и вот-вот должно было разразиться молнией — разрядом, который уничтожит всё, что они называли семьёй.

Она спустилась в дальнее крыло дома — туда, куда редко кто заходил. С каждым шагом коридор сужался, словно дом проверял её решимость. Здесь пахло лавандой и чем-то горьким, как будто горечь впиталась в сами стены, пропитала дерево, камень, воздух. Это был запах сожалений, которые никто не произнёс вслух. Дверь в комнату тётки была приоткрыта, и Анна тихо постучала, хотя знала, что та всё равно уже слышала её шаги — тётка всегда знала, когда кто-то приближается к порогу её одиночества.

Тётка сидела у окна, глядя на сад, где сухие ветки царапали стекло, словно пытались пробраться внутрь, добраться до тепла, до живого дыхания. Она не обернулась сразу, будто давала племяннице время собраться с мыслями, взвесить каждое слово. Когда наконец повернулась, в её глазах не было ни удивления, ни тепла — только усталость, глубокая, как колодец, на дне которого темнела вода, слишком старая, чтобы быть чистой.

— Ты ищешь ответы, — сказала она хриплым голосом, не задавая вопроса. — Но они не принесут тебе покоя. Ты думаешь, что, узнав правду, сможешь всё исправить, как будто правда — это инструмент, а не оружие. А правда здесь не лечит. Она только открывает двери, которые потом не закрыть. Она вытаскивает на свет то, что должно было оставаться в тени. И не факт, что ты выдержишь этот свет.

Анна сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони, оставляя на коже полумесяцы боли — единственное, что сейчас казалось реальным.

— Мне не нужна философия, — прошептала она, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, хотя внутри всё дрожало, как струна перед разрывом. — Мне нужно знать, почему дом... меняется. Почему семья рассыпается, как старая бумага. Почему я слышу то, чего не слышат другие, и вижу то, от чего они отворачиваются.

Тётка медленно покачала головой, и в этом жесте было столько лет, столько невысказанных слов, что Анна на мгновение почувствовала себя ребёнком, который задаёт слишком взрослые вопросы.

— Дом не меняется, — сказала тётка. — Он просыпается. И он выбирает, кому показать своё истинное лицо. Похоже, он выбрал тебя. Потому что ты — единственная, кто ещё не сломался. Или, потому что ты — та, кто должна была сломаться первой.

Анна вздрогнула, но не отступила. Она сделала шаг вперёд, переступив невидимую черту, которую тётка провела между ними.

— Скажи мне, что делать. Дай мне ключ, дай мне дневник, дай мне хоть что-то, что я могу держать в руках, чтобы не сойти с ума от этой неизвестности.

Старуха усмехнулась, и в этой усмешке не было веселья — только горечь прожитых лет, осевшая на зубах.

— Я скажу тебе, где лежит дневник твоей прабабушки. В нём есть ключ к тому, что происходит, — она сделала паузу, и воздух в комнате стал гуще, тяжелее, будто все звуки мира растворились в тишине. — Но взамен ты должна пообещать мне одну вещь. Я не прошу тебя молчать. Молчание — слишком лёгкая плата. Я прошу тебя кое-что другое.

Анна замерла. Сердце стучало где-то в горле, заглушая шум ветра за окном.

— Что? — выдохнула она.

Тётка поднялась с кресла медленно, с трудом, будто каждое движение давалось ей через боль. Она подошла к Анне почти вплотную, и та увидела в её глазах не просто усталость — там горел холодный, расчётливый огонь, который не грел, а только выжигал правду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.